

СЕМАНТИКА ЗИМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЭТОВ ПУШКИНСКОГО КРУГА

Е. В. Шохина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 апреля 2016 г.

Аннотация: в статье раскрываются основные тенденции осмысления зимы поэтами пушкинского круга. Неоднозначное её восприятие приводит к сопряжению в лирических текстах любовных и танатологических мотивов с мотивами вдохновения. В стремлении философски осмыслить сущность бытия поэты дают амбивалентную оценку зимы, сопоставляя ее со старостью / смертью или гармонией / вдохновением, что выражается в поэтическом преобразении мира.

Ключевые слова: зима, поэтика времен года, поэты пушкинского круга, мотив смерти, мотив любви, В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, В. Кюхельбекер.

Abstract: the article reveals the basic understanding of trends winter poets of Pushkin's time. Its ambiguous perception leads to pairing in the lyrical texts of love and thanatological motifs with motifs of inspiration. In an effort to understand the essence of being poets give ambivalent assessment of winter, combining it with oldness / death or harmony / inspiration, which is expressed in a poetic transfiguration of the world.

Keywords: winter, season poetics, poets of Pushkin's time, death theme, love theme, V. A. Zhukovsky, E. A. Baratynsky, V. Kyuchelbecker.

В ряде поэтических произведений первых трех десятилетий XIX века четко прослеживается тенденция двойственного изображения зимы: с одной стороны, она предстает как период тяжелых испытаний, связанных с тоской, однообразием и смертью, но в то же время начинает сопрягаться со страстью, любовными переживаниями, становясь периодом эмоционального подъема, восторга, творческого вдохновения, взаимосвязанного с фигурой Поэта.

В. Жуковский трижды обращается к сюжету немецкой баллады Г. А. Бюргера «Ленора», инвертируя в «Светлане» сюжет оригинала, но сохраняя мотив обретения невестой жениха, благодаря чему баллада приобретает черты национальной самобытности. Для сюжетного развития важна временная приуроченность события баллады – Святки. Сюжет строится на соприкосновении двух миров: «здешнего», земного и «иного», «потустороннего». Национальный колорит зимних святочных гаданий подчеркивается использованием семантически нагруженных предметов: зеркала, свечей, иконы, саней. Ситуация гадания инициирует сновидческий сюжет.

Поэт виртуозно нагнетает атмосферу страха во время описания зимнего путешествия героини по ночным заснеженным просторам. Светлана оказывается в круговерти метели, описание которой поддерживают inferнальные мотивы: «...вдруг метелица кругом; / Снег валит клоками; / Черный вран, свистя крылом, / Вьется над санями» [1, 21]. Закономерен выбор способа передвижения зимой – на санях. По законам романтической поэтики «ужасного»

сани неожиданно появляются и неожиданно исчезают. Сани фигурируют в двух пространствах: ирреальном (сновидческом) и реальном (после пробуждения героини).

В трех балладах В. Жуковский предлагает три инварианта развития событий, в связи с чем выстраивается общая картина ночного путешествия Светланы, Людмилы и Леноры. Атрибуты поэтики «ужасного» одинаковы во всех трех балладах: месяц, черный ворон, ночной мрак, страшные звуки, вспыхивающие вдали огни, гроб. Копыта лошадей взрывают клубы пыли или снега в зависимости от обозначенного в балладе времени года. Так, в «Леноре» этот мотив значительно приглушен, но все же звучат отголоски «метельной» темы: «Помчались... конь бежит, летит. / Под ним земля шумит, дрожит, / С дороги вихри вьются, / От камней искры льются» [1, 187] (курсив мой. – Е. Ш.). Однако судьба трех девушек складывается неодинаково, что связано с подчеркнута «русским», национальным колоритом баллады «Светлана».

Разрушительный характер зимы, заявленный в «Светлане», поддерживается в других стихотворениях поэта: «Гимн», «Овсяный кисель», отчасти в «Послании к Плещееву». Вьюга осмысливается как природный катаклизм: она послана на землю в виде Божьей кары за человеческие прегрешения. Наиболее ярко этот мотив отражен в «Гимне»: «И в зиму, гневный Бог, на бурных облаках... / Паришь, погибельный... как дольный гонишь прах, / И вьюгу, и метель, и вихорь пред собою...» [2, 81]. По своему глубинному значению «Овсяный кисель» В. Жуковского сопрягается с «Осенью» Е. А. Баратынского.

В основе обоих стихотворений лежит образ смерти, который символизирует собой зима. «Ждет и малютку тяжкое время: темные тучи... / Снег и метель на горах, и град с гололедицей в поле» [2, 277] («Овсяный кисель»).

Стихотворение Е. Баратынского «Осень» связано с мифопоэтическими универсалиями, сопряженными с образом поэта и оратая. Элегия насыщена «земледельческими» метафорами, что превращает предзимние месяцы в осень человеческих дней. Метафорическое отождествление поэта с сеятелем и пахарем, противостоящее традиционному уподоблению «поэта царю, жрецу, богочеловеку», акцентирует коннотации жертвы, «приносимой во имя выживания большинства», и источника «творящего, животворного начала» [3, 88]. Усиливается мысль о трагичности предназначения поэта и его судьбы в желании быть услышанным народом. С этими мрачными тонами соприкасается идея о трагичности бытия и бессмысленности человеческого существования [4, 57]. «Размышления о сущности природы сменяются философией отношения природы и человека <...> природа становится фоном, на котором строятся размышления об отношении человека и смерти» [5, 470], – считает Ю. М. Лотман. Стихотворение завершается образами безмолвия и застывания, корреспондирующими с образом зимы-смерти. Последняя строфа пронизана атмосферой монотонности и однообразия: «Со смертью жизнь, богатство с нищетой – / Все образы години бывшей / Сравняются под снежной пеленой, / Однообразно их покрывшей» [6, 233].

Не случайно образ зимы появляется и в стихотворении «Последний поэт», заключающем в себе все традиционные атрибуты мифа «железного века» [7], которому в природе может соответствовать только зима: «Блестит зима дряхлеющего мира» [6, 201]. Поэт пытается достучаться до огрубевших людских сердец, невосприимчивость которых к красоте и культуре соотносится в тексте с губительным действием ветра, который уничтожает посев и возможный урожай [7].

Неумение жить в гармонии и неспособность к самоотверженной любви, эгоизм, погруженность в мир страстей становятся роковыми чертами персонажей в поэтическом мире Е. А. Баратынского. Зима и метели превращаются в главный контекст разыгрывающихся драм.

В поэме «Эда» пейзаж аккомпанирует сюжетным коллизиям, так как судьба Эды сливается в одно с природой. Картины природы отображают душевное состояние героини как в начале, когда она находится в гармонии с собой и всем миром, так и финале, когда во время зимних дней она взывает к метели как к своей спасительнице от страданий: «Когда, когда сметешь ты, вьюга, / С лица земли мой легкий след?» [6, 20]. Хотя причины ее «глубокого

сна» прямо не объясняются автором, но развитие действия подсказывает ответ: именно всепоглощающая страсть приводит героиню к смерти. При этом поэт не осуждает Эду, он только показывает итог истории соблазнения невинной девушки гусаром, финал которой был априори предречен.

В поэме «Бал» Е. А. Баратынский уже напрямую указывает на причину трагической смерти главной героини – Нины. Она, а не Арсений, воплощает собой демонического, байроновского персонажа, бросающего вызов обществу своим безнравственным образом жизни. Символично, что и роковые события на балу, и самоубийство происходят в зимнее время года. В тексте Е. Баратынского не содержится прямых указаний на время года, однако календарная приуроченность традиционных светских увеселений позволяет предположить, что действие происходит зимой [8, 177]. Жар, разгоревшийся в груди героев, контрастен зимнему холоду и холоду смерти: «Лицо княгини между тем / Покрыла бледность гробовая. / Ее дыханье отошло, / Уста застыли, посинели...» [6, 38].

В поэме «Цыганка» жертвой страстей становится мужчина – Елецкой, превратившийся из разочарованного, томимого тоской и холодом романтического героя в страстно любящего молодого человека. События разворачиваются в Москве зимой на святой неделе и отчасти напоминают сюжет пушкинской «Метели»: Елецкой предлагает Вере тайное венчание и побег в метельную ночь. Однако в кружении вьюги оказывается только Вера, ее возлюбленный так и не появляется. У Е. Баратынского метель не способствует, как у А. С. Пушкина, воссоединению героев, так как людская воля оказывается сильнее.

Герои не обретают гармонии в любви, отсюда – сопряжения зимы / холода и страсти / душевного жара, а также зимних бурь / смерти и желаний / страстей, приносящих только разрушения. Таким образом, спокойствие и нежность становятся критериями, характеризующими истинность чувств, настоящую любовь в лирике Е. Баратынского.

Не только в творчестве Е. Баратынского, но и в творчестве других поэтов пушкинской поры зима становится воплощением царства смерти, однако без характерного для автора «Цыганки» акцентирования мотива разрушительности страстей. Это мы наблюдаем в мотивах оцепенения в стихотворении А. Дельвига: «Дотронешься к водам – и воды каменеют / И быстрый ручеек, окован, не журчит...» [9, 81] («Русская песня»). Особенно часто возникает в зимних текстах поэтов пушкинского круга мотив пустоты (например, у А. Дельвига «по опустелым лугам» в стихотворении «К Лилете»). «Суровой годиной вьюг и бурь» зиму называет Н. Языков, противопоставляя ее любимой им весне, а отголоски смертных мотивов звучат во фразе: «Как помертве-

лые поляны / Зима роскошно серебрит» («Н. А. Языковой») [10, 253].

Однако с подобным изображением зимы соперничает иная тенденция: это время года окружается ореолом радости / эмоционального подъема / творчества. Несмотря на то, что в стихотворении Е. Баратынского «Где сладкий шепот» образ смерти присутствует в картинах «онемения» воды, «оцепенения» природы и, наконец, «гробового лика», ему противопоставит «нежная» любовь, что так важно для философии Е. Баратынского. Еще одной преградой на пути «мятежной бури» становится окно – укрытие от ненастья.

Подобные тенденции наблюдаются в прозе В. Кюхельбекера, тогда как в его поэзии зима связывается с трагическими мотивами. В романе «Последний Колонна» четко обозначены особенности национального характера русских людей так, как они замечены и описаны глазами иностранца. Итальянец Колонна постоянно наблюдает за своим русским приятелем Владимиром и делает меткие замечания: ему, как русскому человеку, свойственны скромность, глубина характера, близость к природе. Интересны параллели людей разных национальностей с временами года: итальянцы под стать лету, немцы сравниваются с осенью, а «русских же можно назвать ясною, светлою зимою». Знаков вывод итальянца: суровые погодные условия располагают русских людей к мечтам, а продолжая дальше смысловую цепь – и к творчеству. Эти же творческие потенции зимы реализуются в стихах Н. Языкова: «В поэте радость оживает / И вдохновенный восклицает: / Зима пришла! Зима пришла!» [10, 93] («Зима пришла»). Именно пробуждение фантазии и поэтического воображения может спасти героев от зимнего холода и стужи.

В зимних текстах поэт чаще всего выступает в амплу мечтателя и преобразователя действительности благодаря своему вдохновению, в таком случае он может поэтизировать любые явления. «Вкруг меня природа вянет, / А во мне цветет она: / Для других зима настанет, / Для меня – весна!» [11, 115] – пишет А. Х. Востоков в стихотворении «Услаждение зимнего вечера», подчеркивая достоинства зимы для «русаков», которым не страшны ни борей, ни морозы. Поэт почти на десять лет опережает П. Вяземского с его идеей особенного менталитета русских людей, творческий потенциал которых пробуждается под действием холодов. Ключевая фраза стихотворения «К зиме», использующаяся в дальнейшем и у других поэтов, подводит итог этому стихотворению: «Как под снегами зреет озимь, / Так внутренняя в нас жизнь кипит... / Доколе бодрость в нас не спит, / Мы рук и ног не отморозим» [11, 204].

Мысль о всевластии поэта над судьбой, творящего в мечтах свой мир, пронизывает стихотворение А. С. Пушкина «Послание к Юдину», которое можно

считать предвестником повести «Метель»: герой ожидает свою «красавицу» во мраке, готовы сани для побега, влюбленные уже тронулись в путь, и тут все обратилось лишь сном, мечтой. По внутреннему содержанию «Послание...» тесно связано со стихотворением «Мечтатель», в котором образ лирического героя приближается к образу поэта благодаря ситуации тихого уединения у камина: «Так в зимний вечер сладкой сон / Приходит в мирны сени...» [12, 302]. Такое сопоставление подтверждается стихотворением «Сон», где поэт в ненастную пору погружается в забытие, дремоту: «Но сон мой тих! беспечный сын Парнаса / В ночной тиши я с рифмою не бьюсь...» [12, 364].

Таким образом, поэты начала XIX века, с одной стороны, осмысливают зиму как время года, которое служит декорацией для любовных драм, страстей и трагических сплетений судьбы. В кружении метели, в вихрях снежных бурь или на фоне однообразного зимнего ландшафта героини особенно остро испытывают тоску, печаль, тревогу по поводу скоротечности и бессмысленности жизни, соотнося человеческое существование со сменой времен года. С другой стороны, гармония в душе лирического героя наступает, когда он вступает в диалог с Музами или Морфеем, обретая поэтическое вдохновение, погружаясь в мечтательное состояние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковский В. А. Светлана // Собрание сочинений в 4 т. – М.; Л., 1959. – Т. 2. – 484 с.
2. Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4 т. / В. А. Жуковский. – М.; Л., 1959. – Т. 1. – 480 с.
3. Ромащенко С. А. К вопросу о жанровой идентификации и горизонте читательского ожидания (Е. А. Баратынский «Осень») / С. А. Ромащенко // Критика и семиотика. – Вып. 14. – 2010. – С. 85–97.
4. Козубовская Г. П. Поэзия Е. А. Баратынского: «несостоявшийся диалог» / Г. П. Козубовская // Вестн. Барнаул. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – Барнаул, 2001. – № 1. – С. 48–58.
5. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: структура стиха / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 846 с.
6. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Е. А. Баратынский. – Л.: Сов. писатель, 1936. – 302 с.
7. Дарвин М. Н. Художественный мир «Сумерек» Баратынского / М. Н. Дарвин. – Режим доступа: <http://baratynskiy.lit-info.ru/baratynskiy/articles/darvin-hudozhestvennyj-mir-sumerek.htm> (дата обращения: 15.03.2016)
8. Гайворонская Л. В. Христианская символика и календарь в поэмах Е. А. Баратынского / Л. В. Гайворонская // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 2014. – Т. 12 – С. 170–188.
9. Дельвиг А. А. Сочинения / А. А. Дельвиг. – Л.: Худож.

лит., 1986. – 459 с.

10. Языков Н. М. Полное собрание стихотворений / Н. М. Языков. – М., Л. : Советский писатель, 1964. – 706 с.

11. Востоков А. Х. Стихотворения Александра Восто-

кова: В трех книгах / А. Х. Востоков. – СПб, 1821. – 263 с.

12. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах / А. С. Пушкин. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – Т. 1. – 643 с.

Воронежский государственный университет

Шохина Е. В., аспирант кафедры русской литературы

E-mail: shoelen@mail.ru

Voronezh State University

Shohina E. V., Post-graduate Student of the Russian Literature Department

E-mail: shoelen@mail.ru